

УДК 82.1

Е. В. Меряшкина**ОРИЕНТАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
ПРОЗЫ МИХАИЛА ЩЕРБАКОВА**

В статье рассматривается специфика ориентальной прозы Михаила Щербакова, а также ее идейно-эстетическое своеобразие. Анализируя творческое наследие писателя, мы опираемся в первую очередь на произведения, написанные в так называемый «шанхайский период творчества». На примере анализа книги писателя «Одиссеи без Итаки» определяется позиция писателя по отношению к общим тенденциям первой волны русской эмиграции, а также уточняется его видение исторического прошлого и настоящего России.

В статье выделяется ряд устойчивых мотивов, имеющих ориентальную специфику, — это мотив изгнанничества, бегства, мотив трагического финала судьбы, мотив «черной серии». Их содержание обусловлено в значительной степени осознанием эфемерности бытия, неопределенностью и непредсказуемостью дальнейших поворотов в судьбах героев. Также нами установлено, что мотив «черной серии» является лейтмотивом, так как почти каждый из героев писателя — «невезучий человек», которого преследует «закон несчастливых серий».

Проза М. Щербакова — это яркий пример художественного многообразия дальневосточной эмигрантской прозы, проявления индивидуального авторского стиля, что открывает перспективу ее дальнейшего исследования в интересующем нас аспекте.

Ключевые слова: Дальний Восток, Япония, Китай, ориентальная тема, мотив, мифология, легенда, буддизм.

В свое время уже было отмечено, что «в творчестве дальневосточных прозаиков проявлялась своя специфика: пристальное внимание к проблеме «Запад — Восток», художественное постижение богатейшего культурного и философского наследия Китая, его природы и быта» [1, с. 307].

До сих пор остается практически не изученным творческое наследие дальневосточного писателя Михаила Васильевича Щербакова. В первую очередь это вызвано малодоступностью исследуемого материала — сборник произведений автора «Одиссеи без Итаки» впервые вышел в России в 2011 году в издательстве «Рубеж» со вступительной статьей А. Колесова [4].

Творчество М. Щербакова известно русскому читателю прежде всего по произведениям, созданным в эмигрантский период его жизни, хотя свою литературную деятельность он начинал еще во Владивостоке. При жизни автора были опубликованы очерки «Одиссеи без Итаки» (Берлин,

Меряшкина Екатерина Владимировна — аспирант (Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Комсомольск-на-Амуре); e-mail: rina_evm@mail.ru

© Меряшкина Е. В., 2014

1926 г.), «Кадет Сева» (Шанхай, 1934 г.), сборник рассказов «Корень жизни» (Шанхай, 1943 г.) и повесть «Черная серия» (Шанхай, 1944 г.).

Важную роль в обращении к восточной теме сыграли путешествия писателя в Юго-Восточную Азию, на острова Тихого океана, неоднократные поездки в Японию, Корею, Цейлон и остров Пасхи. Дорожные впечатления отражаются, в первую очередь, в поэтическом наследии М. Щербакова. Стоит обратить внимание на даты и место написания стихов: «Вишня» (Моджи, Япония, 1920 г.), «Ганеша» (Кэнди, Цейлон, 1920 г.), «Курильщик» (Сингапур, 1921 г.), «Хайкай» (Токио, 1921 г.), «Фонтан» (китайская вышивка) (Гонконг, 1921 г.), «Неизвестность» (Желтое море, 1922 г.), «Соответствие» (Фузан, Корея, 1922 г.), «Японский храм» (Шимоносеки, 1922 г.).

Ориентальная специфика поэзии М. Щербакова выражает себя наличием мотивов тайны и неизвестности, мистического прозрения, экзотического пейзажа, мифологической образностью, актуализацией темы добра и зла, жизни и смерти. Семантика названий его стихотворений «Маги», «Поединок», «Жень-шень», «Черная месса», «Ганеша», «Японский храм», «Вампир», «Неизвестность» и другие позволяет говорить об определенной системе образов и мотивов, погружающих читателя в таинственный мир Востока.

Для поэтического творчества Михаила Щербакова характерно взаимопроникновение пространственно-временных пластов прошлого и настоящего. При этом наблюдается определенное доминирование мифологического фона: здесь и герои Древней Греции – Улисс, Пенелопа, и обобщенный образ скитальцев – «мы, Одиссеи без Итаки». Значимым в этом контексте становится образ «пучины», символизирующей современность, и эмоциональный настрой всех, утративших Родину:

Нам каждый берег будет чуждым,
Ненужной каждая земля,
Пока под облаком жемчужным
Не заблестят кресты Кремля! [4, с. 286]

В стихотворениях «Маги» и «Черная месса» коллективный лирический субъект ассоциирует себя с ушедшими в прошлое языческими поверьями и надеждами на волшебство («нет, мы не люди – мы древние маги»), но вынужден снова обратиться к «надоевшей» современной действительности («»было» и «будет» связав на бумаге, ждем прохожденья завещанных троп»; «кровью запятнаны мышцы гонцов», «бездне и смерти посмотрим в лицо!»); здесь и далее тексты М. Щербакова приведены по источнику [4].

В основу стихотворения «Жень-шень» положена легенда, связанная с почитаемым на Востоке «корнем жизни». В прозе писателя эта легенда станет одной из сюжетобразующих в сборнике рассказов «Корень жизни». По мнению А. Колесова, «эта книга, пожалуй, главная в его творче-

ском наследии, в нее он включил одиннадцать своих лучших рассказов и новелл» [4, с. 11]. А. А. Забияко отмечает: «Сборник «Корень жизни» формировался почти двадцать лет. Туда вошли рассказы, в основном написанные в 1923–1930 гг., – в них можно обнаружить прозаическое развитие стихотворений 20-х гг. Два рассказа датированы 1935 и 1934 гг. В целом же произведения, составившие сборник, разнообразны по жанровому, сюжетологическому наполнению. Среди них и новелла («Корень жизни»), и «корейская легенда» («Озеро богача»), и фантастические рассказы («Утес Дракона», «Джонни молодой мамонт»), и лиризованные зарисовки («Шанхайские наброски»), и т. д. Объединяющим началом сборника становится мифология и мифологические воззрения самых разных народов, населяющих Дальний Восток: китайцев, маньчжуров, корейцев, японцев, коряков, пропущенные сквозь призму восприятия русского человека» [3, с. 28].

Главный герой рассказа – Корень, который является культовым символом для обитателей дальневосточной тайги. По легенде, женьшень очень сложно найти, так как его охраняют дракон и тигр («где женьшень, там и тигры»), а сам священный Корень может попасть в руки только чистому душой и помыслами человеку.

Семантика названия сразу же настраивает читателя на цепь ассоциаций, связанных с китайской мифологией. Происхождение корня окутано многими мифами и легендами: название «женьшень» в буквальном смысле переводится как «человек-корень». Многие китайские целители давали ему метафорические названия: «дар богов», «чудо природы», «соль земли», «дух земли», «божественная трава», «стосил» [2].

Семантика заглавия обыгрывается на протяжении всего рассказа: Корень, обещающий вечную жизнь и молодость его обладателю, отнимает их. М. Щербаков показывает, как вечные ценности (жизнь, здоровье, молодость) подменяются жадной наживы, поэтому в рассказе судьбы всех, кто хоть как-то был связан с поисками женьшеня, отмечены печатью трагического финала.

В этом смысле символичным оказывается внезапное появление великого Вана: «и услышал он звук, заледенивший кровь в его жилах: над тайгой, мощно сотрясая мрак, прокатился глухой рев с клокочущими переливами, похожий на отдаленный гром, – рев рыжего корейского тигра, властелина и царя тайги» [4, с. 27]. В поверьях и легендах народов, населяющих Дальний Восток, Великий Ван считается символом возмездия за несправедный образ жизни.

Произведение насыщено восточными реалиями и образами: тайга, фанзы, героини-корейцы Цзяй-куй, Ли Фу-линь, тигр, женьшень и хунхузы. Отметим также, что этот рассказ наполнен реалиями тогдашнего Владивостока: «шикарная Светланка», харчевня «Каледония», «Чуркин мыс», «Тигровая сопка», «бульжная, выщербленная Алеутская», «гостиничные номера «Боровикс»», «обед в «Золотом Роге»» [4, с. 18].

Несмотря на то, что большинство рассказов в сборнике «Корень жизни» — это «дань восхищения перед суровой красотой людей и природой Дальнего Востока и Севера, о которых еще так мало сказано в нашей литературе» [4, с. 465], значительная часть сборника построена на основе восточных легенд и преданий («Корень жизни», «Иринари», «Озеро богача», «Джонни, молодой мамонт»).

В основе рассказа «Иринари» также лежит известная восточная легенда. Иринари — это «листочка с пушистым задранном вверх хвостом», которая охраняет в Японии рисовые болотины и почитается крестьянами как бог богатства и домашнего благополучия. В японском варианте буддизма это одно из главных мифологических божеств — Амида, Амида-буцу (соответствует Амитабхе), владыка обетованной «чистой земли», куда попадают праведники. Там растут благоуханные ароматные деревья и цветы, а в реках со сладко благоухающими водами резвятся купальщицы, по желанию которых вода делается горячей или холодной.

С тех пор как главный герой рассказа Петр Фаддеич забрал статуэтку лисы из молельни из-за боязни быть обвиненным в идолопоклонстве («И вовсе не струсил! И не только твоей лисички, а даже самых страшных богов не боюсь!» [4, с. 108], его преследуют несчастья, каждое из которых сопровождается образом лисы, требующей вернуть ее обратно: «Отдай божка!.. Поставь обратно!..» [4, с. 109].

Важной особенностью композиции рассказа является ее усложнение с использованием известного литературного приема — «рассказ в рассказе». Повествование об Иринари ведется от лица героя — Петра Фаддеича, что придает повествованию достоверность и свойственную герою искренность.

В рассказах «Озеро богача» (с подзаголовком «корейская легенда») и «Джонни, молодой мамонт» используется тот же прием: «рассказ в рассказе». В основе обоих рассказов лежит фантастическое начало. Так, например, в рассказе «Джонни, молодой мамонт» ориентальная специфика проявляется в фантастическом повествовании о драконах, обитающих в море.

Впечатления от поездок и путешествий Михаила Щербакова нашли отражение не только в его поэзии, но и в прозаических текстах: «Священный остров», «По древним каналам», «Слива цветет», «Шанхайские наброски». Автора интересовало все: достопримечательности, история, обитатели, обычаи, климат, даты и т. д.

Известно, что М. Щербаков был страстно увлечен фотографией. Он постоянно экспериментировал с цветной фотографией и после путешествий оставил не только записи об увиденном, но и снимки. Возможно, поэтому для его рассказов характерно очень красочное и образное повествование.

Рассказ-впечатление от поездки на остров Путу «Священный остров» состоит из двух частей: первая часть «Значение Путу. — Гуань-Инь и О-ми-то-фо. — Несколько дат» и вторая — «Паломники. — Заупокой-

ные службы». Автор словно пытается раскрыть или разгадать «Душу Востока», которая, по его мнению, возникла из учения Будды-Сакьямуни и осталась здесь, на острове.

Следует отметить мотивы, передающие медлительный ритм и особую гармоничность обстановки: «ленивое лазоревое море, лижущее золотистые пляжи», «кроны деревьев, заплетенных плющом», «мысы острова, окутанные дымкой», атмосферу острова, «в которой отдыхаешь всем своим существом».

В текст рассказа автор вводит легенду, рассказывающую о богине Милосердия, духом которой пропитан весь остров. В этом предании встречаются многие символы китайской мифологии: Дракон, спешащий на помощь, Тигр-спаситель, Будда Жу-Лай, лotosовый плот (чашечки этого цветка). Конечно, Михаил Щербаков не мог обойти своим вниманием буддизм. Таким образом, мы можем предположить, что для него буддизм — это религия, «владеющая над “Чистой Страной Запада”».

Михаил Щербаков в общих чертах вводит в рассказ традиционную историю острова в том виде, в каком ее дают китайские источники, «начиная с 6 века от Рождества Христова».

В «Священном острове» писатель изображает китайцев как высококультурную и высококультурную нацию: «китайцы — тонкие эстеты и большие ценители природных красот — недаром выбрали этот островок много веков тому назад, чтобы сделать его обиталищем буддийской Богини Милосердия» [4, с. 351].

Значительный повествовательный пласт составляют обычаи, легенды и их герои, связанные с островом Путу (Богиня Милосердия, Будда — «Владыка Западного Неба», Трон Драконов), а также история создания монастырей и храмов. Содержание рассказа позволяет современному читателю ближе познакомиться с восточной культурой. Щербаков показывает богатство и красоту увиденного и осмысленного им в поездках и странствиях по Востоку: «Священный Остров — настоящий клад, ибо там он не только встретит прекрасные образцы храмового зодчества и буддийской религиозной скульптуры, но и будет сталкиваться на каждом шагу с самой квинтэссенцией народной жизни — с ее религиозной стороной» [4, с. 353]. Писатель называет остров «Душой Востока».

Можно предположить, что замысел этих рассказов-впечатлений от поездок возник уже во время самих путешествий. «Военные впечатления» (своеобразный комментарий-«подстрочник» автора) от Японии можно увидеть в рассказе «Слива цветет», в котором автор показывает неоднородность населения, а также культурные различия внутри страны. В «Священном Острове» показан пейзаж, не тронутый человеком, а в рассказе «Слива цветет» уже не увидишь вольной природы, но она и здесь по-своему прекрасна: «Все ее резкости, вся ее своевольность сглажены любовным трудом человека, и ландшафт приобретает от этого особую мягкость и акварельность» [4, с. 381].

Пейзаж составляет в своем роде экспозицию этого произведения. Щербаков сравнивает наступление весны в Японии с «нашей северной чаровницей, когда осевший снег чернеет и стаивает в две недели» [4, с. 380]. Автор через «тягучие», задумчивые описание природы восточной страны словно показывает ее глубинную связь с буддизмом — кажется, что «повелительное внешнее светило», «непрерывно ласковая влажность», «нежная и расплывчатая даль синих гор» погружаются в нирвану.

Но следует заметить, что образы людей в обоих рассказах совершенно различны, в чем и проявляется специфика текстов М. Щербакова: в «Священном острове» жители изображены как ценящая свое духовное богатство и культуру нация, а в рассказе «Слива цветет» мы среди вишен и праздника Весны, храмов и буддийских молитв можем наблюдать иное: «нестерпимые японские запахи», «балаганы с «ремоданом», Асахи-Бир и сакэ, гимнастическая виселица и окурки с мандариновыми корками на слабой, еще не окрепшей траве. Вообще — «культура» [4, с. 384].

Эта тема развивается и в «Шанхайских набросках», проникнутых «запахом болот, тления, запахом смерти». Восточная специфика проявляется и в натуралистических описаниях китайских нищих, которые выглядят как «голые чудовища с «накожными болезнями»» [4, с. 140]. Эти миниатюры пронизаны живым интересом М. Щербакова к культуре Востока, к жизни и быту китайских городских окраин.

Необычен иронический очерк о китайских вывесках, который представляет интерес не только для литературоведов, но и для лингвистов. Особого внимания заслуживает смысловая сторона вывесок — «целых поэм в двух-трех словах»: «Кристаллизованное Процветание» (контора гробовщика), «Небесная вышивка» (лавка угольщика), «Счастливый Союз всех Добродетелей» (аптека) [4, с. 144].

Итак, Михаил Щербаков вводит в свои рассказы не только мифологические сюжеты, но и реальные картины жизни. Хроника увиденного ярко проявляется в повествовательном плане и уникальном проникновенном образном слове рассказчика.

Тема современности в творчестве Михаила Щербакова связана с описанием двух войн — Гражданской и Первой мировой. Сам автор пишет об этом так: «...завершилось великое затмение России. Тень неудачи неутомимо заволакивала ее всю целиком. Только один узкий светящийся серпик оставался на Дальнем Востоке. Я был там, когда и он потух. С щемящей горечью и болью я вспоминаю последние дни Владивостока. Наступили тревожные дни, и красный пресс все сильнее давил на Приморье, выжимая остатки белых армий к морю» [4, с. 244]. Так или иначе эта тема проходит практически через все произведения писателя. Наиболее полно она раскрывается в повести «Черная серия», очерках «Одиссеи без Итаки», в рассказах из серии «Кадет Сева» и в рассказе «Последний рейс».

М. Щербаков описывает ситуацию 1920-х годов, когда японская императорская армия оккупировала Дальний Восток, но вскоре была из-

гнана русскими партизанами. Известно, что японская оккупация различных частей Дальнего Востока проходила в 1918–1925 годах. В феврале 1918 года Верховный совет Антанты поручил войскам Японии занять русский Дальний Восток, а также железные дороги Дальнего Востока и Сибири. 5 апреля 1918 года японцы высадили значительный десант во Владивостоке и стали готовиться к началу наступления на Хабаровск [5].

Важно отметить, что многие произведения Щербакова носят автобиографический характер. Их условно можно объединить названием «черная серия», которая начинается в одноименной повести и продолжается в других рассказах, образуя, на наш взгляд, цикл.

«Черная серия» – повесть в девяти главах, претендующая не только на автобиографичность, но и на документальную достоверность всего происходящего, на что указывает подстрочник Михаила Щербакова: «Канвой настоящей повести послужила копия с официального акта, хранящегося в архивах Американского Губернаторского на о-ве Гуам (Марианские острова), а также рассказ одного из участников плавания» [4, с. 183].

В упомянутой повести писатель пишет о герое-летчике Никите Анисимовиче Порейчуке, которому автор отдал часть своей биографии: «У него черная серия началась ровно в половине шестого утра пятого апреля 1920 года <...>. До этого момента в его жизни было, пожалуй, не больше приключений, чем в жизни каждого порядочного летчика» [4, с. 187]. Все началось с «летающего солдата» и шхуны, направляющейся в научно-промысловую экспедицию.

Чтобы скрыться от разыскивающих его японцев, Никита Анисимович поступает на «деревянную посудину в полтора тонны, скрипящую по всем швам “Диану”» [там же]. После того, как капитан Худовой застрелил чайку, что у моряков считалось плохой приметой, на шхуне случился бунт, поломка мотора, шторм, после чего ее понесло течением в открытый океан. За полтора месяца кошмарного плавания почти весь экипаж был ранен и разбит, на судне начался голод и цинга. Летчик Порейчук чудом остался жив, и когда их шхуна прибилась к берегу, «у него потемнело в глазах, ноги размякли, и он опустился без сознания на грязную раскаленную палубу» [4, с. 240].

Мотив «черной серии», проходящий через всю повесть, настраивает читателя на восприятие экзистенциальной проблематики.

«Черная серия» художественно обыгрывается в тексте. Обратим внимание на названия глав: «Закрутило» (1 глава), «Тревожные симптомы» (2 глава), «Скверная примета» (4 глава), «Мотор финиш» (5 глава), «Понесло» (6 глава), «По четверти стакана муки» (8 глава), «Проклятые островки» (9 глава). Главы тесно связаны между собой и как бы вытекают друг из друга, реализуя ключевой мотив «черной серии».

В экспозиции повести Михаил Щербаков описывает напряженную ситуацию во Владивостоке, которая настраивает читателя на трагическое

восприятие событий: «рискованные комбинации» [4, с. 185], «яростно задувал вешний ветер» [4, с. 188], «ветер размахнулся и с налета двинул по крыше» [4, с. 189], «молния» мигнула и опять зашипела ровно» [4, с. 189].

Известно, что в творчестве писателей русского дальневосточного зарубежья тема изгнанничества была одной из ведущих. Функционирование мотивов «бегства и изгнания» определяет развитие действия в очерке «Одиссей без Итаки», в котором описывается уход из Владивостока легендарного крейсера «Лейтенант Дыдымов» за день до прихода большевиков 24 октября 1922 года. Из биографии писателя известно, что в составе Сибирской флотилии адмирала Г. К. Старка Михаил Щербаков направляется в Шанхай. В истории русской эмиграции на Дальнем Востоке гибель крейсера «Лейтенант Дыдымов» стала трагической страницей. Позднее автор напишет стихотворение «Неизвестность», в котором так обобщит судьбу русских эмигрантов: «Мы, Одиссеи без Итаки, / Каким прельстимся маяком?» [4, с. 286].

Автор-рассказчик становится заложником «черной серии» преследующих его неудач, но на этот раз ему снова улыбнется фортуна: накануне гибели крейсера на стоянке в Гензане Щербаков пересядет на канонерскую лодку «Улисс», что спасет ему жизнь. На борту «Лейтенанта Дыдымова» в тот момент находились кадеты Иркутского кадетского корпуса. Впоследствии этот факт найдет отражение в рассказе «Кадет Сева», в котором писатель показывает нелепость судьбы и несправедливость истории, творящейся на его глазах.

Сева предстает перед нами романтичным, цельным юношей, который проявляет мужество и силу. «Это был до болезненности восприимчивый и экзальтированный мальчик», любящий стихи. «Правда, он умел пить водку, знал женщин, одно время даже нюхал кокаин, но он сам признался, что это было напускным кадетским удалством, чтобы не отстать от товарищей» [4, с. 246]; «он был настоящим «волчонком» из тех, которые вцеплялись зубами в руки комиссаров, если попадали в плен. И эта внутренняя стойкость, этот юношеский порывной патриотизм являлся, пожалуй, единственным хорошим из того, что Севе дал корпус» [4, с. 248].

После похода на «грузчиков-коммунистов» рассказчик не узнал Севу: «за сорок восемь часов он как бы вырос и возмужал. В темно-синей голландке и в добрых брюках с необычным клешем он выглядел уже не мальчиком, а юношей. Лицо его обветрилось, черты сразу окрепли и определились» [4, с. 248]. Позднее мы узнаем, что юноша спас свою семью и повествователя, пересадив их на другой корабль, а сам до конца остался на «Дыдымове» и погиб вместе с экипажем.

Автор воздерживается от историко-политического комментария и только подчеркивает значимость проблем, возникших в это тяжелое время на русском Дальнем Востоке. На примере жизненной истории кадета Севы Щербаков показывает не только внешнюю сторону жизни русских эмигрантов, но и ее внутреннее трагическое наполнение.

Примечателен с точки зрения интересующей нас проблемы рассказ «Запад на Восток». Точечная композиция рассказа, в котором говорится о женщине, попавшей в Японию из Америки, также актуализирует проблему трагической судьбы изгнанников.

Героиня рассказа очень тяжело переживает ситуацию, в которой она оказалась: «Здесь, на Востоке, я пропаду. Наверно, пропаду. Я это чувствую...»; «Мне надо отдохнуть от Востока» [4, с. 263]. «Пленница и заложница» чужой страны мечтает вырваться назад в Америку, «бросить к черту весь этот Восток, всю эту нелепую жизнь и уехать домой, в родной Орегон, к своим...» [4, с. 263], но материнские чувства сдерживают этот душевный порыв. В основе конфликта лежит столкновение менталитетов и разных культурных традиций. Символично окончание рассказа: «Повернувшись, она пошла к выходу, лавируя среди темных и ярких кимоно. Ее западная белая шляпка еще долго виднелась над глянцевым черным лаком восточных причесок» [4, с. 264].

Все произведения Щербакова наполнены восточными и дальневосточными реалиями. Как отмечалось выше, действия его рассказов происходят на дальневосточной земле. Те или иные историко-политические события показаны как фон (в том числе исторический, политический, культурный, биографический и т. д.), на котором разворачиваются основные перипетии человеческих судеб («Кадет Сева», «Черная серия», «Одиссеи без Итаки»). Многие герои его рассказов имеют своих прототипов. Так, например, в рассказе «Последний рейс» в образе капитана Дэка легко угадывается легендарный дальневосточный шкипер и китобой Фридольф Гек.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ориентальная проза Щербакова пронизана философскими размышлениями о прошлом и настоящем (мотив памяти), о единстве человека и природы, жизни и смерти, изгнанничестве. В сюжет вводятся легенды, предания. Особую значимость приобретают экзистенциальные мотивы, связанные с тоской по родине, с невозможностью возвращения в Россию. Впрочем, как и его герои, автор надеется, что когда-нибудь увидит «блестящие кресты Кремля». В этом смысле М. Щербаков оставался в русле общих для всей эмиграции первой волны идейно-эстетических тенденций, ее надежд на возрождение России.

Анализ творческого наследия Михаила Щербакова позволяет говорить о функционировании в нем ряда устойчивых мотивов, имеющих, на наш взгляд, ориентальную специфику: мотив изгнанничества, бегства, мотив трагического финала судьбы, мотив «черной серии».

Другими мотивами, значимыми не только для творчества Михаила Щербакова, но и для всех писателей-эмигрантов, являлись мотив бегства и изгнания. Содержание мотива бегства в значительной степени было обусловлено осознанием эфемерности бытия, неопределенностью и непредсказуемостью дальнейших поворотов в судьбах героев.

В заключение отметим, что проза М. Щербакова — это яркий пример художественного многообразия дальневосточной эмигрантской прозы, проявления индивидуального авторского стиля, что открывает перспективу ее дальнейшего исследования в интересующем нас аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузубев О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока в национальном культурном процессе XX века: монография. 2-е изд. перераб. и доп. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2013. 381 с.
2. Легенды о жень-шене [Электронный ресурс] // Легенды о цветах, мифах и истории: [сайт]. [2007]. URL: <http://www.florets.ru/legendy-o-tsvetah/djenjshenj.html> (дата обращения 28.02.2014).
3. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: хрестоматия. В 4 т. Т. 1. Проза. В 3 ч. Ч. 1. (А–К) / сост., общ. ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013. 370 с.
4. Щербаков М. Одиссеи без Итаки: повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / сост., комм. и вступит. ст. А. Колесова. Владивосток: Рубеж, 2011. 480 с.
5. Японская оккупация Дальнего Востока [Электронный ресурс] // Циклопедия: [сайт]. [2012]. URL: <http://cyclowiki.org/wiki/> (дата обращения 05.03.2014).

* * *

Meryashkina Ekaterina V.

PECULIARITIES OF MICHAEL SHERBAKOV'S ORIENTAL PROSE

(Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-na-Amure)

The following article is observing the peculiarities of Michael Sherbakov's oriental prose, as well as its ideological and aesthetic significance. While analyzing the creative heritage of the writer, we consider the works that were written during «the Shanghai period of creativity». In the analysis of the author's book «Odysseys without Itaka» for example, the author expresses his attitude towards the common trends of the first wave of Russian immigration and manifests his vision of the historical past and present of Russia.

The line of oriental motives is emphasized in the article. The motives are: exile, escape, life tragedy and the «black series» motive. Their content is conditioned by awareness of ephemeral being, uncertainty and accidentalness in the heroes' future course of events. Besides it was found out that the «black series» motive serves as a leading-motive as well. Nearly every author's hero is an «unlucky man», who is chased by «the law of the unlucky series».

Sherbakov's prose — is a vivid example of artistic diversity of the far Eastern emigrant prose, manifestation of the author's individual style, which opens up the prospect of further studies in the aspect.

Keywords: Far East, Japan, China, oriental topic, motive, mythology, legend, Buddhism.

REFERENCES

1. Buzuev O. A. *Literatura russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v natsional'nom kul'turnom protsesse XX veka* (Literature of Russian Far East in the National and Cultural XX Century Process), Komsomol'sk-na-Amure, AmGPGU Publ., 2013. 381 p.
2. Legends about zhen-shen [Legendy o zhen'-shene] in: *Legendy o cvetah, mifah i istori* (Legends about flowers, myths and stories), Available at: <http://www.florets.ru/legendy-o-tsvetah/djenjshenj.html> (access date 28.02.2014).

3. *Literatura russkogo zarubezh'ya. Vostochnaya vetv'. Hrestomatija* (Literature of the Russian Abroad. Oriental Branch: Reader) in 4 vol., Vol. 1. *Proza* (Prose) in 3 parts, Parts 1. A – K (A–K), preparation and general editing A. A. Zabijako, G. V. Jefendievoj. Blagoveshhensk, AmGU Publ., 2013. 370 p.
4. Shherbakov M. *Odissei bez Itaki: povest', rasskazy, ocherki, stihi, perevody* (Ulysses without Itaka: novel, short stories, essays, poems, translations), compiling, comment and an introductory article by A. Kolesov, Vladivostok, Rubezh, 2011. 480 p.
5. Japanese Occupation of Russian Far East [Yaponskaya okkupatsiya Dal'nego Vostoka] in *Ciklopedija*, Available at: <http://cyclowiki.org/wiki/> (access date 05.03.2014).

* * *